

- *Если не хотите, чтобы потомки смеялись над вашей наивностью, не пишите о будущем*
- *Кто знает, как будут жить наши потомки. Может, кроме как над нашей наивностью, им и посмеяться будет не над чем.*

Глава первая

Доктор Лаврушин никогда не считал себя избранным. Даже в юности, когда многие смотрят на себя, как на будущий музейный экспонат, он не находил для этого достаточных оснований. Почти половину своей жизни, с самого детства, он безвылазно просидел в тени, совершенно никем не замечаемый.

Обычный для подростков период неуверенности в себе затянулся для Игорька не на шутку – пока на первом курсе лечфака им не заинтересовалась одна, как в таких случаях принято говорить, обворожительная особа, чуть старше его по возрасту и несравнимо опытнее во всем остальном. Она-то и открыла робкому студенту глаза. Если верить ей, то Игорёк сильно выделялся на общем фоне, будучи редким умницей. А поскольку особа эта и впрямь была хороша собой, совсем неглупа и к тому же обладала добрым сердцем, не поверить ей было очень трудно. Через год она вышла замуж за ассистента с кафедры физиологии, но это уже не могло изменить главного – Игорёк наконец повзрослел и научился не только верить в себя, но и справляться с жизненными уроками. Так невинное любовное приключение стало для него точкой отсчёта новой, уже взрослой, жизни.

А жизнь не замедлила подхватить Игорька, или вернее, новоиспечённого доктора Игоря Александровича Лаврушина, и, кружа метельным ветром, пошвырять по броуновской траектории, давая ему шанс набраться ума-разума и встать на собственные две ноги вполне устойчиво.

На сегодняшний день он был не только опытным врачом, но и хорошо разобрался в ядерной физике. И уже два года возглавлял научную лабораторию, в которой придумали, как вредную для здоровья

радиацию использовать во благо человека. Попутно, чтобы не отрываться от корней, он дважды в неделю оперировал и консультировал в клинике имени Сергея Петровича Боткина.

Слава богу, никто пока не задавал ему тот подлый вопрос, который никогда нельзя задавать хорошим людям. А именно – что для них в жизни главнее, семья или работа? То ли в силу каких-то особенных личных качеств, а может, благодаря случайному везению в поиске спутницы жизни, но Игорёк – бывает и такое – уже почти девять лет любил свою жену так, словно встретил её только вчера. Без своей же работы он себя просто не мыслил. Уместно предположить, что он был счастливым человеком, хотя сам Игорёк об этом никогда не задумывался.

И вот тут-то, как сугроб на голову, и свалилась новость, которая ни в коем случае не могла считаться хорошей. Возможно, это была самая страшная новость за всю его жизнь. Однако, благодаря именно этому обстоятельству доктор Игорь Лаврушин вдруг открыл для себя, что принадлежит к числу избранных.

***

«Осторожно, двери закрываются!» – неживой, но при этом донельзя ласковый женский голос так плотно заполнил собой вагон, будто собирался измерить его объём. Едва не проскочив нужной станции, Глеб чертыхнулся и, оторвавшись на секунду от невесёлых мыслей, всё же успел, раздвинув двери руками, выскользнуть на платформу древнего столичного метро. Спинай он успел ощутить всю степень раздражения, накопленного вагонными дверьми за их немалый жизненный срок. Метро почти не изменилось. Такое же величественное, такое же мрачное и шумное, как и полжизни назад. Проходя под мраморными колоннами, Глеб вспомнил себя в те годы, когда он спускался в метро каждый день. Как они с Игорьком возвращались с институтских лекций и самозабвенно спорили, перебивая грохот вагонов. Спорили по любым пустякам. Спорили, потому что по-мальчишески были несогласны со многим в этой жизни. Спорили, потому что головы их были тогда набиты самой разной научной, околонучной и совсем ненаучной чепухой, и просто потому, что им было хорошо вместе. Друзей из того времени уже не осталось. Всех раскидало по странам, по семьям и таким учреждениям, в которых люди, по всей видимости, исчезали без следа. Во всяком случае, из жизни Глеба они исчезли. Один Игорёк никуда не пропал и не исчез, он всё это время был – и когда путешествовал за край

света, и даже когда ужинал у себя дома с женой. Вот и сегодня он начал день с того, что выволок на свет старую, немного полинявшую истину, глаголившую, что в жизни есть вещи, через которые можно переступить без особого вреда, и есть вещи, через которые переступить нельзя. Через дружбу переступить нельзя.

Выйдя с экстренного сверхсекретного совещания у себя в НИИ, он сразу позвонил Глебу. Сказал: жди, сейчас заеду, не уходи никуда. В восемь утра! Жди! А работа? Он приехал быстро, пробыл недолго. Рассказал то, что никому не должен был рассказывать. А именно – как это ни поидиотски звучит – похоже, что конец света таки наступил. Кто наступил??? Да вот, представь. Какая-то глобальная катастрофа, связанная с радиацией и прочими грозными физическими явлениями, не совместимыми с жизнью. Как Чернобыль? Ну, типа того. Чернобыль или Фукусима. Только на этот раз в масштабах всей планеты. Человечество, правда, об этом пока не догадывается. И не должно догадаться до последней минуты. Таков, дескать, секретный план, принятый кем-то наверху. Глеб чуть не спросил «А как же шашлык?» (завтра он ждал Лаврушиных к себе на дачу), но вдруг понял, что шутки кончились. Игорёк выглядел озадаченным и растерянным, как, наверное, и должен выглядеть гонец, приносящий подобную весть. Поделившись с Глебом, он ушёл в себя и забормотал что-то, ему одному понятное: «Бурят... Бурят... Так вот зачем эти трубы... Надо же, по всей Москве... Ай да Руслан...» Глеб никогда его таким не видел. А тот с какой-то дикой тоской в глазах спросил у друга: «Как же с Ленкой-то?» и, резко встав, не прощаясь, вышел. Нетрудно предположить, чем он рисковал, делясь государственной тайной такого масштаба. И всё-таки, подумал Глеб, не зря такую информацию стараются держать в секрете.

***

«Странно, что у нас до сих пор тихо. Никто не звонит, не вызывает. – от метро Глеб шёл на работу по пасмурной аллее, спрятав руки в карманы и сутулясь от весенней промозглости, – я был уверен, что такие новости мы теперь узнаём одновременно. Ну что ж, хотя бы известно, о чём сегодня будет очередное внеочередное... Главное – не подать виду, что известно».

Глеб пригласил Игорька с женой к себе на дачу не потому, что хотел раньше обычного открыть дачный сезон. У него был более существенный повод. И если бы Игорёк знал, какой, то не спешил бы с утра пораньше поделиться с ним страшной государственной тайной.

Завтра на даче, под шашлык, Глеб намеревался отметить с друзьями своё повышение. Он тоже, как и Игорёк, теперь входил в состав КОЭФПУЧ – комиссии по экстремальным физическим проблемам, угрожающим человечеству. Отделы этой комиссии существовали во всех профильных институтах. В институте, где работал Глеб, шутники-физики звали членов комиссии кофе-путчистами. Он так и не сообщил свою радостную новость Игорьку. Впрочем, теперь, похоже, это не имело значения.

Первый, кого увидел Глеб, войдя в институт, был его шеф. Никого не замечая и ни с кем не здороваясь, мрачнее чёрного квадрата с известной картины, шеф брёл по коридору с папкой в руке.

«Так... Михалыч уже в курсе. Интересно, откуда? Кто его источник? Ведь такой информацией может располагать только председатель комиссии. Неужели у меня сейчас такое же лицо, как у Михалыча?» Глеб решил приложить все усилия, чтобы на комиссии выглядеть, насколько возможно, индифферентно и не выдать себя. А главное, Игорька.

Председателя комиссии не было. Почему-то на его место грузно и обыденно – как на своё – сел Михалыч. Глубоко вздохнул и, не поднимая глаз на присутствующих, внятно и жёстко произнес:

– Ну, вот что. Времени у нас нет. Сейчас каждый из вас ознакомится вот с этим документом, – в центр стола шлёпнулась небольшая стопка бумажных листов, извлечённая Михалычем из папки, – здесь по одной копии на каждого. Когда прочтёте, распишитесь внизу и вернёте мне каждый свою копию в обмен вот на это.

Его рука легла на металлическую коробочку, непонятно каким образом очутившуюся перед ним на столе.

– Сейчас вы сами всё узнаете, – отвечая на недоумённые взгляды собравшихся, продолжал Михалыч, – и никаких вопросов мне не задавать, – голос Михалыча зазвучал ещё жёстче, – я этого не писал и решений никаких не принимал. Мне, как и вам, это спустили сверху, и у меня у самого те же вопросы и проблемы. Всё. Через десять минут расходимся.

Пол-минуты бумажного шуршания и в кабинете комиссии высоковольтным проводом повисла гудящая тишина. Глеб наблюдал за лицами читающих. Сам он быстро пробежал листок глазами – что ж, Игорёк ничего не забыл. Остальные же отказывались верить. Читали снова и по-прежнему не могли взять в толк – как такое вообще возможно? В гулкой тишине кабинета, будто в глухую мрачную бездну,

строчка за строчкой, буква за буквой – в куски, в осколки, в пыль, в труху – валился, рассыпаясь, мир.

***

Иннокентий Михалыч Вильданов достиг того возраста и той точки на графике жизненного опыта, когда потрясений не испытывают. Его мало чем можно было удивить или напугать. Давно забытое чувство растерянности, испытанное сегодня утром в кабинете куратора, можно сказать, застало его врасплох.

Теленетный звонок обрубил сон в половине четвертого утра. Куратор потребовал явиться незамедлительно для получения инструкций в связи с чрезвычайной ситуацией. «Двадцать минут» – подавил зевок Михалыч. В кабинете было трое: вокруг массивного журнального столика из австралийского ясеня в низких креслах сидели куратор и двое, (незнакомых Михалычу, но при этом чем-то странно похожих на него), повидавших жизнь и давно заматеревших руководителей чуть выше среднего звена, которых только вовремя нажитая житейская мудрость уберегла от более высоких постов. Очевидно, куратор подбирал себе кадры сам, по своим выверенным критериям. Как и у Михалыча, у обоих незнакомцев в облике угадывалось не только научное, но и спортивное прошлое. Вон тот, побряжестей, судя по отдавленным ушам – борец. Другой – сухощавый, с острым взглядом – типичный альпинист. Как и Михалыч, оба выглядели скорее чуть недоспавшими, чем встревоженными, и это делало всех троих еще более похожими друг на друга.

– Ну вот что, друзья мои, – начал куратор, когда Михалыч занял четвёртое кресло, – Новости у меня плохие. Кофе не предлагаю – не хочу, чтобы он застрял у вас в горле.

Куратор нередко использовал устаревшие речевые обороты, несколько этим не смущаясь. Старомодное бабушкино воспитание, к примеру, не позволяло ему считать «кофе» именем существительным не мужского рода. Несмотря на свой высокий пост, отягчённый непомерной ответственностью за сверхсовременные научно-технические проекты в сфере государственной безопасности, куратор – и не только внешним обликом – производил порой впечатление человека из прошлого века. Впечатление, надо заметить, благоприятное. Особенно на давящем фоне руководителей нового типа – такого расслабленно-цинично-делового, в американском духе. Его же манера держать себя не демократично, а аристократично, быть чуточку более формальным в

одежде и при общении с коллегами, чем это нынче принято, удивительно гармонично вписывали личность куратора и в его должность, и в его личный кабинет. Именно кабинет, а не какой-то там офис. В кабинете, оформленном под старину, не только присутствовали настоящие «книжные» шкафы. На их полках стояли настоящие старые книги, сшитые из бумаги. На корешках с золотым тиснением можно было прочесть имена великих писателей прошлого. Здесь рядом с Достоевским стояли Чехов и Аксаков, Куприн и Вольтер. Хемингуэй расположился между Маркесом и Ремарком. Несколько полок были заселены Брокгаузом и Ефроном. Разумеется, в любую эпоху люди образованные всегда отличались неповерхностным знакомством с классиками литературы, но читать их на бумаге в наши дни граничило с пижонством. Бумажные книги перестали широко издавать уже, по крайней мере, лет тридцать назад, за исключением коллекционных собраний сочинений, стоивших невероятно дорого. И даже не очень современный офисный дизайн начисто исключал любой намёк на подобную обстановку.

– Учитывая обстоятельства и продиктованную ими экстренность, с которой я вас собрал, вы не ошибётесь, если предположите самое худшее, – сам куратор налегал на кофе, нисколько за свое горло не опасаясь, но в то же время и без признаков удовольствия от процесса. Очевидно, это была не первая чашка за сегодняшнюю ночь. И даже в том, как он пил кофе, читалось желание как можно скорее покончить с экстренным совещанием и приступить к чему-то более важному.

– Итак, произошло ЧП на всем вам хорошо известном объекте ЗКМ-369. На трёх непроницаемых лицах одновременно возник намёк на кривую ухмылку – ирония босса была оценена. О «хорошо известном» объекте ЗКМ-369 Михалычу почти ничего не было известно, кроме того, что для его функционирования были задействованы самые мощные на сегодняшний день источники энергии. Дело в том, что ещё пару лет назад группе Вильданова было поручено разработать «План ликвидации последствий в случае аварии» на этом объекте при условии, что события будут развиваться по худшему из возможных вариантов. План так и не был разработан, поскольку Михалыч лично сформулировал вердикт, гласящий, что при указанных источниках энергии даже при не очень серьезной аварии последствия будут таковы, что осуществлять их ликвидацию просто будет некому. И что при существующем ограниченном доступе к информации по данному объекту никакие серьезные исследования невозможны. Отправив вердикт наверх, он

ждал, что разразится гроза, но ничего не произошло. У него даже возникло ощущение, что высокое начальство осталось вполне довольно такими выводами. На этом знания Михалыча по объекту ЗКМ-369 исчерпывались. Похоже, что другие двое знали не намного больше. Весьма вероятно, что им в свое время было поручено проделать такую же работу, чтобы потом можно было сверить результаты всех трех групп. Если так, то скорее всего они знали про объект ровно столько же, сколько и Михалыч.

– Уровень ЧП классифицируется как глобальная катастрофа, – продолжал куратор. – Надеюсь, без дополнительных комментариев ясно, что нас всех ожидает через двадцать четыре часа. Описывать подробности нет ни времени, ни смысла, поскольку изменить уже все равно ничего нельзя. И хоть вы не представили мне никакого плана на подобный случай, тем не менее такой план существует. Он, конечно, не решает всех проблем. И даже – говорю это сразу – создает дополнительные, но это единственный имеющийся у нас план. И вы здесь как раз для того, чтобы с ним ознакомиться, – куратор взял паузу, предвидя вопрос со стороны присутствующих.

Михалыч нутром чувствовал, что только что озвученная «плохая» новость сегодня не единственная. Он бы дорого заплатил за то, чтобы не слышать ответа на свой вопрос, который теперь он не мог не задать.

– Дополнительные проблемы... какого свойства?

– Этического, – куратор осторожно отодвинул от себя фарфоровую чашку, – Ситуация нестандартная и, к сожалению, более чем критическая, а потому и меры нестандартные. *À la guerre comme à la guerre*. Если нельзя спасти всё население, значит, будем пытаться спасти хотя бы его часть. Не большую и не лучшую, а прежде всего ту, что обладает знаниями и навыками, необходимыми для выживания в сложившихся условиях. То есть, определённое количество определённых специалистов.

– Кем «определённых»? – спросил один из коллег-незнакомцев – тот, что похож на борца. Куратор лишь слегка поморщился, давая понять, что вопрос не по существу, и продолжал:

– Как вы уже сами догадываетесь, я вам всё это рассказываю только потому, что вы включены в список отобранных специалистов. Чему я лично очень рад и надеюсь, что, когда вы осмыслите всё здесь услышанное, вы разделите мою радость.

– Теперь, – на стол перед сидящими легли три микрофлэшки, – здесь списки везунчиков, находящихся у вас в подчинении. Там же текст

документа, который вы должны распечатать на бумаге и уничтожить после ознакомления с ним ваших подчинённых. Электронная рассылка может привести к утечке информации. А теперь о грустном. Я давно с вами работаю и неплохо вас знаю. Знаю о ваших незаменимых качествах и, в частности, о вашем редком самообладании. И тем не менее настоятельно прошу – постарайтесь держать себя в руках и не дать волю эмоциям. Вопросы будете задавать, когда я закончу.

Придвинув к себе и тут же снова отодвинув чашку, куратор вдруг встал, отошел к окну и замер, глядя в темноту. Выждав с полминуты, он повернулся к столу:

– Как я уже говорил, отбор проводился по профессиональному признаку, а не по родственному. В результате практически нет случаев, когда целая семья была бы отобрана в группу «избранных». Разрабатывая план и готовя списки специалистов, мы сначала пытались концентрироваться на «несемейных», но быстро поняли, что это всё равно невозможно.

Куратор видел, как у всех троих напряглись лица и остекленел взгляд. Он продолжал как можно спокойнее:

– В подобных обстоятельствах допустимо предположить, что не все захотят разлучиться со своими семьями и просто предпочтут остаться с ними до конца, не видя смысла в своём спасении. Хочу, чтобы вы учли следующее. Во-первых, ещё большой вопрос, уместно ли здесь слово «спасение». Возможно, напротив, это будет долгой и мучительной agonией для уцелевших. А во-вторых, продление жизни выбранной горстке людей продиктовано попыткой сохранить если не цивилизацию, то хотя бы память о ней. То есть законсервировать всё ценное и важное – по большей части в виде информации - дабы будущие земные цивилизации могли получить наиболее полное представление о нас. Ну и разумеется, необходимо будет заняться исследованием пока что новых для нас физико-экологических проблем, которые начнут возникать в ближайшие часы. Это как раз по вашей профессиональной части. Так что рассматривайте данную ситуацию как ваше последнее задание, причем галактического масштаба и важности. Коммуникации с другими регионами вам будут обеспечены.

Далее. Для того, чтобы дифференцировать отобранных специалистов от всех остальных, был разработан специальный препарат, расфасованный в ампулы, вводящийся внутримышечно и сохраняющийся в организме человека двенадцать часов. Препарат поддается внешнему биосканированию. Называется гелбиоцин. Точно также будет называться операция по дифференцировке населения и доставке отобранных

специалистов в специальные бункеры. Начинается операция «Гелбиоцин» сегодня в шестнадцать ноль ноль и будет длиться двенадцать часов. С началом операции на улицы населенных пунктов будет пущен так называемый «мирный газ» – разработка наших военных. Его действие на центральную нервную систему заключается в стимуляции образования эндорфинов и резкого повышения их концентрации. Таким образом, паника среди населения будет предотвращена. Препарат гелбиоцин нейтрализует действие «мирного газа». Так что каждый, кому положено, должен сделать себе инъекцию гелбиоцина в момент начала операции. Уровень секретности данной информации – наивысший. Ваши вопросы.

В наступившей тишине напольные часы своим маятником кромсали время, вдруг ставшее таким бесценным и таким бессмысленным.

– В какую мышцу лучше колоть? – отрешенно глядя перед собой, спросил «борец».

– Лучше в сердечную, – отреагировал «альпинист».

И хотя улыбки частично сняли напряжение с лиц, оно зацепилось за воздух предвестником прощания с задержавшимся в этих пасмурных широтах штилем.